

Слово автора

Об общечеловеческом, вечном, духовном, душевном...

Новинки издательства «Мастацкая літаратура»

«Мы появляемся на свет там и тогда, где должны, там и тогда, где можем что-то изменить к лучшему, — не зря Франциск Скорина повторял библейское о пчелах, которые защищают ульи свои, и птицах, которые ведают гнезда свои, сколько б ни летали в безграничном пространстве... Без пробуждения исторической памяти, без культурной идентичности со своим народом и любви к родной земле не может состояться личность».

Людмила Рублевская

«В начале, как известно, было Слово. И что ждет нас в конце? Неужто и вправду человеку перестанут быть необходимы слово, стихи, книги? Не верю... Потому что человек без слова попросту перестанет быть человеком. И путь у него один: шкуру на плечи и в пещеру, учиться добывать огонь трением...»

Анатолий Аврутин

«Жизнь порой не оставляет нам времени для работы над ошибками, но всегда позволяет душе сопереживать всему тому, что происходит вокруг нас. Только не оставаясь равнодушными, мы научимся находить то, что нам нужно для счастья! С возрастом меняется наше мироощущение, но впитанная с молоком матери любовь к родным местам остается и нашей радостью, и нашей печалью. Можно согрешить в малом, но помнить всегда, что мать и Родина — это святое!»

Владимир Зезюлин

«С годами понимаешь, насколько все мы связаны между собой. Каждый наш поступок, даже малый, отражается на окружающих. Не только в рамках одной семьи или даже страны, а всего окружающего мира. Не растворяется в пространстве, а накапливается и суммируется. Добавляет в него дисгармонию или, наоборот, красоту и добро».

Лариса Калуженина

«Дом, малая родина... Когда припадаешь душой к родной земле, обретаешь животворную нравственную силу. Здесь ты свой, здесь твои корни, здесь черпаешь вдохновение. К этому святому уголку с окном в большую Родину, к своей родословной никогда не угаснет любовь. Если душа не глухая...»

Нина Горегляд

«Только своя земля и свой народ могут сделать человека великим».

Тамара Ковальчук

«Немало встречала людей, которые поддержали в творчестве и в жизни. Бесконечная благодарность тем, кто протягивает руку помощи! Небесные и земные наставники неусыпно следят за нашими делами и душевными порывами».

Галина Корженевская

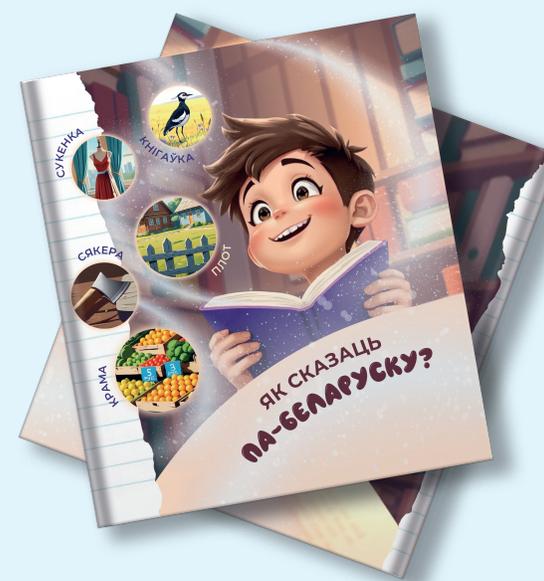
«Человека только тогда можно называть венцом природы, когда он будет не воровать, лгать и убивать, а сеять хлеб, любить и творить. И только тогда народы придут к согласию и пониманию. И только тогда воцарит над миром дух свободы».

Михаил Кулеш

Олег ЖДАН «Последний друг»

В новую книгу известного белорусского писателя, лауреата Национальной литературной премии Олега Ждана вошли повести и рассказы, написанные в разные годы. Герои его произведений — люди разного возраста, разных профессий, по-разному складываются их жизни, но в целом они живут теми же проблемами, которыми живет страна. Не все в их судьбах складывается легко и просто — есть в рассказах автора печаль, есть юмор, есть размышления о нашей повседневной жизни.

«Як сказаць па-беларуску?»

Книга поможет младшим школьникам узнать и запомнить белорусские названия самых разных предметов и явлений, с которыми мы часто сталкиваемся в повседневной жизни. Произведения классиков белорусской литературы сопровождаются небольшими словариками — переводными и толковыми.

В Ы Д А В Е Ц Т В А

«МАСТАЦКАЯ

ЛІТАРАТУРА»

НЭМАН

08/2025
АВГУСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- Людмила Рублевская.** Авантюры Вырвича, Лёдника и Черной Меланхолии. Роман приключенческий и фантазмагорический. 6-я книга серии «Авантюры Прантиша Вырвича». Начало. Перевод с белорусского Павла Ляхновича..... 3
- Анатолий Аврутин.** Среди росных трав... Стихи 32
- Лариса Калуженина.** Любовь моя, Иверия (Тбилисская фреска)..... 38
- Владимир Зезюлин.** Что-то есть в полях еще от лета... Стихи... 78
- Максим Иванов.** Аранжировщик. Рассказ..... 84
- Нина Горегляд.** Прощая и любя. Стихи..... 96
- Тамара Ковальчук.** Пелагея. Рассказ..... 102
- Галина Корженевская.** Клетчатое пальтишко. Быль..... 107

САТИРА И ЮМОР

- Михаил Кулеш.** Запретный плод. Венок сонетов..... 111

ДОКУМЕНТЫ. ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

- Татьяна Щербакова.** Академик родом из фольварка Петровичи. ... 117

НАПОСЛЕДОК

Память

- Лилиана Анцух.** Успеть сказать... 133

Книгосфера

- Людмила Воробьева.** Храните музыку, храните...
Рецензия на книгу Михаила Позднякова «Полонез» 139

- АВТОРЫ НОМЕРА..... 144

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:
Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталя Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

Подписано в печать 08.08.2025. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 560. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2025
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2025
© УП «Мастацкая літаратура», 2025

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

АВАНТЮРЫ ВЫРВИЧА, ЛЁДНИКА И ЧЕРНОЙ МЕЛАНХОЛИИ

Роман приключенческий и фантасмагорический.
6-я книга серии «Авантюры Прантиша Вырвича».
Начало

ПРОЛОГ

Двери не поддавались.

Терпели издевательства с добродетельностью римской Лукреции и мужеством спартанского царя Леонида.

Хоть уважаемый пан Франтасий Вырвич, подкоморий Менского уезда, честный шляхтич герба Гиппоцентавр, лупил в те двери и кулаками, и ногами в сафьяновых красных сапогах с подковками, и булавой, к сожалению, не гетманской.

В дубовых досках появились трещины, на лбу пана подкомория — капли пота, на лицах красивой женщины и черноглазой девочки, которые стояли рядом и наблюдали за усилиями пана судьи, — разочарование.

От этого Вырвич еще больше рассвирепел.

— Бутрим! Не глупи! Отпирай, или через окно залезу! Потолок на щепки разберу! Ты меня знаешь...

За избитой дверью царило упорное молчание, будто на шляхетской пирушке под утро.

— Эх, если бы не засовы... Замок бы я отпер...

Пан судья напоследок злобно ударил ногой в несчастную дверь.

— Он со среды там заперся, Прантиш... — дрожащим от тоски голосом молвила женщина — она все еще была красива, как античная богиня, но в уголках глаз углубились морщинки, а в темных волосах, выбившихся из-под белоснежного чепца, появилась седина. — Раньше хоть Софийку к себе пускал...

Вырвич уперся в неприступную дверь вспотелым лбом, к которому прилип русый чуб:

— Балтрмей, брось свои меланхолии... Нужна твоя помощь как врача... Слышишь? Айда немедленно в Городню! Пан Жилибер отравлен! Никто справиться не может...

Прантиш не поверил своим ушам: из-за двери послышался мрачный смех... Такой немного демонический.

Доктор Лёдник обезумел, что ли?

Сколько помнил Вырвич, Бутрим ради спасения больного не считался ни с собственной усталостью, ни с опасностью, лечил одинаково

старательно и нищего, и князя, и врага, который, исцелившись, мог загнать лекаря в печень кинжал... Поднимался по первому зову в ночи, собирал саквояж, молился святому Пантелеймону-целителю... На поле боя падал около раненых коленями в снег и грязь, не обращая внимания на пули, свистящие вокруг... Во время мора закрывал лицо маской с волглými травами в специальном «клюве» и шел по домам с заколоченными накрест окнами, где умирали безнадежно больные, — чтоб хотя бы облегчить их страдания...

А здесь, при известии, что хороший приятель, уважаемый ученый тяжело болен — смех...

— У него там что, с водочкой дискуссия? — растерянно оглянулся Прантиш.

Ведь пить Бутрим действительно не умеет. Сразу мозги отшибает. Даже Пана Коханку Радзивилл чокаться за своим столом его давно не принуждал...

— Нету там у папочки ни вина, ни водки, — строго поджав губы ответила Софийка, тоненькая, белокожая, темноокая, в короне тяжелых кос — еще почти подросток, но ясно уже, какой станет...

Прантиш, несмотря на трагикомичность ситуации, залюбовался. Такой же была ее мать, пани Саломея Лёдник... Не фигли хочется корчить, шуточки шутить, а убитого дракона под ноги бросить, в безнадежный бой с врагами броситься — чтобы хоть взглянула снисходительно, ля бель дам санс мерси...

— Разве что... спиритус есть... — растерянно вспомнила Софийка. — Папка его в угловом шкафу держит, чтобы заразу убивать.

И действительно, Лёдник, который много чем возмущал коллег-медиков, был убежден, что болезни возникают не от нарушения баланса жидкостей в организме, как считали все почтенные врачи, а от грязи и невидимых мизерных существ, попадающих внутрь через раны или дыхание. Богохульник, одним словом.

Но если аскетичный Бутрим вознамерился употребить спиритус не для мытья рук да ланцетов-скальпелей, а ради растворения черной желчи, вызывающей меланхолию...

— Да что же такое с ним приключилось?

Софийка и пани Саломея тревожно переглянулись.

— Папа слово с нас взял, что мы об этом никому-никому не скажем. И без его позволения к нему не зайдём, — горделиво вскинула голову девушка, и ее губы сложились в твердую линию — точно упрямый папаша. Вырвич едва не завыл от отчаяния.

Где-то над Двиною, на Софийском храме, ударил колокол, и прозрачные величественные звуки просыпались сквозь золотую листву деревьев на сухую траву, на черепичные и гонтовые крыши Полоцка, завибрировали в еще не очерствелых сердцах...

— Все, терпение мое окончилось!

В голосе пана зазвучала опасная сталь — а что, слабого да кроткого не выберут горделивые шляхтичи уезда на должность подкоморого судьи, от которого их земельные ссоры будут зависеть.

— Сейчас пришло мужиков с топорами...

За дверью послышался невнятный скрежет. Что-то упало... Потом с той стороны стукнул засов. Несчастные двери со скрипом, в котором чудилось облегчение, приоткрылись...

Вырвич рванулся в помещение.

В полумраке неприятно пахло, как в комнате тяжелобольного. Еще чувствовался взаправду запах спиритуса, дыма свечей и каких-то

трав... Вырвич подскочил к окну, дернул плотные опущенные занавеси и распахнул рамы, впусив солнечный свет и чистый воздух — хватит маскарадов! Хозяин, ссутулившись на стуле, придвинутом к двери, тут же заслони́л глаза рукавом... Видимо, сидел этими днями в темноте, как медведь в берлоге.

— Быть может, объяснишь свои глупости, Бутриме? Что за отшельничество?

Хозяин медленно опустил руку, которой заслонялся от нахального света. Черный камзол расстегнут, мятая белая рубашка измарана неизвестными веществами и тоже расстегнута на несколько пуговиц, обнажая старые шрамы на груди. Худое лицо заросло черной щетиной, темные глаза покраснели и запали, волосы, все еще густые и черные, только перевитые сединой, свисают неряшливыми прядями...

— Глупости, говоришь?

Голос доктора звучал мрачно и надтреснуто, будто после долгого крика. Лёдник неловко склонился в сторону, нащупал рукою на полу какую-то палку, уперся ею о пол, ухватив обеими руками... Напрягся, сжав челюсти... Стул со скрипом подвинулся вперед. Вырвич с удивлением заметил, что к ножкам стула кое-как приделаны неровные деревянные кругляши, служащие колесами. Лёдник еще раз рывком оттолкнулся своей палкой, как лодочник на переправе... Точнее — как зловещий пират. Его длинные ноги неловко и неподвижно опирались о приколоченную внизу к передним ножкам стула перекладину...

Бутрим выронил палку, и та с грохотом упала на пол, Прантиш даже вздрогнул. Доктор развел руками и наклонился в пьяном шутовском поклоне.

— Ну вот, видал? Доволен? Много теперь помощи от доктора Лёдника можешь поиметь?

Вырвич вытер взопре́лый лоб.

— Подожди, ты что... Заболел? Ноги отняло?

Лёдник театрально похлопал в ладоши:

— Чудесная наблюдательность!

Прантиш даже времена в Виленской академии припомнил, когда не мог сдать профессору Балтromeю экзамен.

— А... Давно?

Лёдник раздраженно дернул уголком рта, опустил глаза.

— После Пасхи.

Вырвич почувствовал, как щеки запылали от стыда. Он с весны не проводывал старшего друга, своего случайного слугу, приобретенного за шелег, сурового наставника и всегдашнего спасителя.

— Прости... У меня хлопот было... Земельная ссора между панями Замойскими и Друцкими... Еще один суд из-за межи, которую пан Антоний Тизенгауз проложил для новой дороги... Не сумел приехать...

Черный Доктор саркастически прервал виноватое бормотание Прантиша:

— И что бы ты сделал, если бы приехал? Если уж я ничего не сумел...

Лёдник раздраженно обвел рукою помещение... Прантиш оглянулся: столы уставлены колбами с какими-то веществами, в мисках толченые травы, в банках — наполовину использованные мази, погасшая горелка с какой-то засохшей мерзостью...

— Только не говори, что лекарств от своей болезни не изобрел! — вырвалось недоверчивое у Вырвича.

Когда-то их с Бутримом по приказу всемогущего подскарбия Тизенгауза заперли в подводном челне и опустили в воду, и доктор должен

был, чтобы они с Прантишем не задохнулись, неотложно изобрести сложное вещество для очищения воздуха... Метод подскарбия ускорить мысль изобретателя оказался эффективным, не задохнулись. Наверное, Лёдник решил повторить ситуацию — запереться и не выходить из помещения, пока не создаст себе лекарства...

— Да что с тобою? Ревматизм?

Бутрим помрачнел, сжал тонкие длинные пальцы в пятнах от химических.

— Помнишь, меня в колодец в Ошмянском замке посадили?

Еще бы не помнить! Тогда владыка Ошмян пан Брастовский едва не замучил Лёдника, которого обвиняли в убийстве ассистентки, беглой панны Брастовской. Бутрим пять дней просидел в подземелье, в колодце с холодной гнилой водой. Вырвича до сих пор передергивало от воспоминаний, как трясло Лёдника, когда его вытащили.

— Ну вот, видимо, там и заработал воспаление суставов... Сначала ничего, пару лет не обращал внимания... Когда в прошлом году у пана Радзивилла фейерверки с воздушными фонарями устраивал, уже обезболивающие пил... Еще весною мог передвигаться, хоть с посошком. Потом костыли сделал. А неделю назад и с костылями стоять не смог...

Лёдник сердито кивнул на деревянные приспособления, валяющиеся в углу, явно швырнутые туда со всей злобной дури.

— И что, это основание не пускать к себе жену и дочь? Уморить себя решил?

Глаза Черного Доктора рассерженно сверкнули:

— Не стоит им видеть меня... таким...

— Пусть лучше не находят себе места и плачут, пока ты совсем не загнешься и дом не завоняешь? — Прантиша начало злить упрямство полоцкого алхимика. — Разве мало ты пациентов на ноги поставил? Поставишь и себя... Рано или поздно.

В одной из колб булькнуло что-то мутное в такт с горьким смешком Лёдника.

— А пока то «рано или поздно», моей репутации как врача придет конец. Кто захочет лечиться у калеки?

Вырвич яростно толкнул носком сапога подозрительную пустую бутылочку из зеленого стекла, та отлетела к письменному столу и ударилась о ножку в виде львиной лапы.

— Так ты все от гордыни? Спиритусом научную конфузию запиваешь?

Лёдник попробовал снова сказать что-то язвительное, но Прантиш не дал:

— Слушать не хочу. Сейчас позовем Саломею и Софийку, ты вымоешься, переоденешься, протрезвеешь, поешь, а то, прости господи, не профессор, а пьянь корчемная... Потом расскажу, зачем приехал. Ты же сам всегда меня учил, что лучшее средство от собственного отчаяния — заняться решением чужих проблем. Вот и займешься...

Судя по тому, что Черный Доктор перекрестился, виновато забормотал молитвы, начал застегивать пуговицы и расправлять помятые манжеты рубахи, подкоморий своего бывшего профессора победил.

— Пани Саломея, ваш супруг благоговейно и с нетерпением ожидает вас!

Анатолий АВРУТИН

СРЕДЬ РОСНЫХ ТРАВ...

Стихи

Жизнь все диктует наивные правила —
Каждому что-то свое.
Мама мне главное право оставила —
Честно дожить за нее.

Нехотя спеют калина с малиною,
Август трясет дерева.
Мама спешила дорогою длиною —
Мама осталась права.

И золотыми сменяется веснами
Зимний нахмуренный вид...
Что-то кружит над скрипучими соснами,
Что-то неслышно кружит.

Спешное дело на завтра отложено,
Срок ему вышел вчера...
Пень покорежен... И жизнь покорежена,
Но золоты вечера.

Черною молнией крона расколота,
Нету в ней жизненных сил...
Так и бредется — от золота к золоту
И от могил до могил.

Даже в минуту твою величальную,
Хоть ничего не болит,
Вспомнит душа только песню печальную
И зарыдает навзрыд.

Как страшно быть услышанным, когда
Уже твой голос в сумерках не слышен,
Когда, во мгле расстаяв без следа,
Ты на стекле кружочка не продышишь.

Лариса КАЛУЖЕНИНА

ЛЮБОВЬ МОЯ, ИВЕРИЯ (ТБИЛИССКАЯ ФРЕСКА)

I

...и надобно было окончательно расчесться с молодостью, но прежде увидеть то место, где она родилась. И это оказалось не так и трудно после работы в тропиках, когда появились деньги, о которых раньше и помыслить было нельзя. И тогда пришла к ним, друзьям своим славным. Муж и жена Вернадские, Наталья и Борис. В середине 80-х Борис еще трудился в некоем научном учреждении с головным институтом в Москве и отделениями во всех союзных республиках. И везде водились у него друзья. И в Грузии водились.

— Я позвоню Ревазу, — сказал. И позвонил. И ее встретили в Тбилиси: Реваз и сестра его Кетеван. Поселили в гостинице на главном проспекте, и Кетеван стала пасти ее, все дни сопровождая в музеи, театры и просто в прогулках по городу. Ибо одной, было сказано, ей лучше не ходить. Она отнеслась к предупреждению легкомысленно. Но и вправду, когда незадолго до отъезда, шла одна по проспекту Руставели, в тот холодный, ветреный день начала февраля, ее все окликали, все улыбались и дарили комплименты, и был один — красивый, статный, высокий мальчик, который на ходу, улыгнувшись, бросил: «А правда, что все мужчины, которые к вам обращаются, хулиганы?» Они разошлись тотчас, неизбежно, но он-то вовсе не был похож на банального приставалу, скорее на студента. Промелькнул, бросив на ходу пару остроумных слов, и запомнился. А ее уже несло дальше, и где-то впереди уже маячила афиша с извещением, что завтра, в каком-то клубе, состоится встреча с Андреем Тарковским. Она замрет на минуту возле афиши, прикинув, сможет ли пойти, и поймет, что не сможет. Завтра вечером ее уже не будет в Тбилиси.

Владимир ЗЕЗЮЛИН

ЧТО-ТО ЕСТЬ В ПОЛЯХ ЕЩЕ ОТ ЛЕТА...

Стихи

В БИБЛИОТЕКЕ

Вдыхая запах эпохальных дней,
Где тишина как музыка звучит,
Я с каждой встречей становлюсь мудрей,
Читая все, к чему душа лежит.

Здесь Лев Толстой, Тургенев и Лесков,
Куприн и Чехов, всех бы мне назвать.
Их познаю, чтобы без лишних слов
Мне этот мир прекрасный понимать.

Их рук творенья выстроились в ряд,
Поэты Пушкин, Лермонтов и Фет.
Они для нас уже из тех плеяд,
Из тех миров, которых больше нет.

Певец природы Пришвин тоже здесь,
И друг детей Чуковский, как не быть.
Творить для нас они почли за честь
И добрым словом прошлое хранить.

И, открывая дверь библиотек,
Когда-нибудь задумайся всерьез,
Каким бы был ты нынче, человек,
Без их романов, лирики и грез.

Кому свою доверил бы мечту,
Открыв себе однажды Млечный Путь...
Спасибо им за слова красоту
И за его восторженную суть!

Максим ИВАНОВ

АРАНЖИРОВЩИК

Рассказ

I. Осень в июне

1

Бывшие однокурсники, студенты девяностых, Борис и Антон не виделись лет пятнадцать и, столкнувшись в городе лицом к лицу, тотчас заметили в глазах друг у друга ту же растерянность, выработанную годами, ту же давно обнаруженную пропасть неверия, неосведомленности, слепого ожидания лучших времен, спрятанные под броней живого взгляда, которые каждый из них ежедневно наблюдал в зеркале. И хотя минуту назад им не было друг до друга никакого дела, они словно продолжили прерванную беседу. Обоим было под пятьдесят, обоим деревья вдоль их пути давно казались карликовыми, но каждый втайне надеялся если не набрести на сказочный лес, то хотя бы выйти к светлому берегу, тронутому зеленью, и выдохнуть: «Теперь остановка надолго». Антон жил и работал в Хорватии (чудом занесло его в эту страну вместо взятой было на прицел Италии) и на пару недель приехал в Минск на свадьбу сына, а заодно и поговорить с издателями о выходе своей второй книги. Борис год назад развелся с женой и все занимался разменом прежнего семейного гнезда, а теперь взял отпуск, чтобы проехаться наконец по Европе, посмотреть на тот особенный, густой, разноликий мир, о котором столько пишут и говорят, но которого сам он до сих пор толком не видел. Выдвинуться оба планировали в начале лета, и Антон, собиравшийся в обратный путь на своей хорватской машине, не раздумывая предложил Борису прокатиться вместе до «последнего поворота».

2

Два раза за свою жизнь Борис в последний миг смог избежать смерти, и на вершинах этих двух горных пиков в остальном совершенно плоской, как ему казалось, судьбы проявлялись для него теперь какие-то малообъяснимые знаки, возможность разгадать которые не

давала обесцениться ни его жизни, ни смыслу мироздания. Поездка же в красивую страну, которую давным-давно он «мельком проскочил», но куда пообещал вернуться, могла приблизить откровение... Чтобы долго не стоять на границе, решили ехать через Латвию. Дорога в сторону Нарочи настраивала на курортный лад — напомнила Борису его первые поездки к морю, когда пятилетним ребенком с привычного трамвая он пересаживался с родителями на троллейбус и открывался путь, от одной мысли о котором перехватывало дыхание. Дома расступались, освобождая место залитой солнцем площади Победы, паркам, набережным до горизонта. Но Боря все не сводил глаз с лобового стекла: скоро ли? Мост, другой. Наконец — последняя площадь. Тенистый проезд. Впереди — огромные, как кипарисы, туи, а за ними — колонны аэровокзала. Это, считай, уже и есть юг! Дальше в жизни Бориса были другие вокзалы. А не так давно старый аэропорт закрыли, застроили его домами-столбиками с окнами в пол, и после продажи их с женой большой квартиры жилье для холостяка нашлось только в этом районе, на двадцать втором этаже. И каждый день Борис теперь проделывал свой детский путь мечты. Вот только куда на самом деле вела эта дорога?

3

Сидя за столом на свадьбе сына, насмотревшись конкурсов и игр, наслушавшись похожих друг на друга, как капли мутной воды, тостов, Антон едва мог сдержаться, чтобы не закричать: «Неужели вы не понимаете, что это все — спектакль и жизнь точно не пойдет по его законам?» — а через минуту уже и спорил сам с собой: «Может быть, как раз сын окажется мудрее и удачливее меня?» Масла в огонь противоречий подливала реакция издателей на предложенную им вторую книгу. Те, кто был знаком с первой, ценили творчество Антона и ждали в журналах новых эпизодов его произведений, вот только сосчитать этих людей можно было на пальцах рук. Когда он брался за перо, то совсем не думал о том, что, оказывается, мало хорошо уметь писать — нужно быть еще психотерапевтом, политологом, чиновником, националистом, пацифистом, борцом за демократию, а главное — выступать, выступать, выступать. Издательство, три года назад выпустившее его первую книгу, предполагало, что этот знаток человеческих душ медийным джинном пробежится по ушам домохозяек и интернет-тусовщиков, а он взял и укатил в Хорватию, где уже год как работал кладовщиком в логистическом центре. Чем строить из себя клоуна на экране, он счастлив был, поставив склады на сигнализацию, возвращаться вечерами в соседнюю деревню, где снимал дом: Млечный Путь степным шляхом разметался по небу, заливались сверчки и цикады, и лето, долгое и щедрое, словно готовилось рассказать что-то такое, чем не успевало поделиться на севере. Вторую книгу он дописывал, уже не представляя себе своего читателя, как последнюю.

4

Поздним вечером, уже в Литве, заселились в пустую гостиницу в стороне от шоссе — широкий двухэтажный дом у пруда (лягушки там не

квакали, а гудели полную безнадеги песню). Старичок-сторож — единственная душа во всем корпусе, по-русски говорил не с литовским, а скорее с белорусским акцентом, — принял у них плату, выдал ключи и углубился в свои журналы и бумаги, так живописно наваленные на столе, что закуток его напоминал кабинет писателя с фотографий столетней давности. В загородном мотеле в начале июня, наверное, еще не наступил сезон, поэтому даже воду этим вечером включили только в двух номерах, а в коридорах и на лестницах не было света. Разошлись по комнатам, но не спалось. Борис взялся читать. Антон вышел из номера и неслышно шагнул из крыла в крыло по темному коридору второго этажа, глядя, как гнутся на ветру силуэты елей в окнах. На улице что-то грохнуло с тупым звуком — упало или прыгнуло, наверное, с крыши на карниз. Кот? Крыса? Потом — долгий глухой шорох внизу: так лопатами рассыпают гравий. И словно новоиспеченный маленький Шариков из «Собачьего сердца» молча забегал по коридорам первого этажа, тычась в тупики. «Дом с привидениями», — пробормотал Борис, выключая лампу. Тут за окнами зашелестели фольгой: сначала робко, затем — уверившись в силах и прорвав бумагу, ухнул ливень. За первым ушатом опрокинули второй, третий, четвертый. И под аплодисменты небес, под треск тысяч лесных пишущих машинок ревели, приближаясь, сирены. Их слышали все, кроме сторожа, лежавшего ничком на полу у кнопки тревожного вызова, с застывшим шумом дождя в ушах.

5

Когда Борис и Антон спустились в фойе, полицейский, как танцор балета, вышагивал между разбросанными по полу вещами. Другой сидел за стойкой рецепшена и что-то писал. Двое в белых халатах склонились над стариком. Постояльцев опросили, проверили документы, но задерживать не стали: грабители попали на камеры видеонаблюдения, оставалось только выяснить обстоятельства смерти. Приехал хозяин отеля — оказалось, что сторожем работал его отец, известный в прошлом литовский музыкант. Но именно в эту ночь отец хозяина занемог, и в нарушение всех правил на дежурство заступил старый друг музыканта, гость из соседней страны... Их попросили остаться для дачи показаний — ждали следственную группу. Хозяин предложил приготовить завтрак, но жильцы от еды отказались. И долго ходили по берегам пруда, притихшего пасмурным утром, то и дело возвращаясь в вестибюль, где на полу все так же лежал старик, ничем не накрытый, словно вот сейчас сделает усилие и поднимется, а рядом — тетрадные листки с хорошо различимыми, вписанными от руки нотными знаками. Трогать ничего было нельзя, приближаться к покойному тоже. Но и Борис, и Антон сфотографировали эти листки: им показалось, что в сочетании звуков, набросанном незнакомцем нынешней ночью (мелодии ли, песни, да пусть полной бессмыслицы), прячется что-то, что хоть немного ободрит их по-осеннему притихшие жизни.

Нина ГОРЕГЛЯД

ПРОЩАЯ И ЛЮБЯ

Стихи

Говорят: мы любим только себя,
Отраженье себя в других.
Потому, когда я смотрю на тебя,
Я вижу себя — не их.
Я вижу огромные эти глаза,
Этих волос волну.
Вижу в тебе, кто бы что ни сказал,
Только себя одну.
Это не любование, нет.
И не гордыня, отнюдь.
Это души моей медленный свет
Ищет в гармонию путь.
Просто он видит, что ты — сосуд
Из того же стекла, что и я.
Он знает, что может пойти под суд
Твой, ничего не тая.
Мы внешне похожи, похожи внутри.
Ты скоро поймешь, для чего.
В меня до конца, до тоски посмотри,
Увидишь себя самого.

Общим своим эгоизмом звеня,
Выбросим к черту кокетство и лесть.
Нету тебя, и нету меня.
Только гармония есть.

Я хочу подарить тебе песню,
Чтоб о море в ней бредили скалы,
Чтобы волны от слова «Воскресни!»
Со всех сил ударялись в причалы,

Чтобы чайки о воле кричали,
 Подавляя и руша тоску,
 Чтобы волны с оттенками стали
 Нас с тобою вели по песку,
 Чтобы море вовек не кончалось,
 А любовь зарождалась едва.
 Песня мне так давно примечталась,
 Но никак не найду я слова.

Меня понять нельзя — мне надо верить.
 Ищу в себе незапертые двери.
 Я так хочу тебя туда впустить.
 Навечно. Чтобы жить, а не гостить.
 И не пытайся суть мою измерить.
 Меня понять нельзя — мне надо верить.

Она любила ветер, и простор,
 И лошади разгоряченный бег,
 И резкие обрывы синих гор,
 И на ресницах серебристый снег.
 Она любила утром по росе
 Скакать и быть хмельною без вина,
 Вставать, упав, и жить не так, как все.
 А ночью тихо плакала она.
 Она любила...
 В рыжих волосах
 Пылала осень яростным огнем.
 Она любила полночь на часах
 И за НЕГО молилась перед сном.

А. Блоку.

Вы так бледны,
 Что только смерть бледнее.
 Вы так бедны,
 Что пустоты беднее.
 Вы так одни,
 Что мир боится Вас.
 Вы не они,
 Вы — воля и отказ.

Вы ирреальны, дики,
 Неземны.
 Вам ночью снятся крики,
 А не сны.

Вы пишете.
 Иначе Вам нельзя.
 Вы пишете.
 И Вас клянут друзья.

Вы пишете.
 И гонит Вас любовь.
 Вы пишете.
 И не чернеет кровь!

Вы пишете,
 Чтоб только не молчать.
 Вы пишете.
 Нельзя Вам не писать.

Тамара КОВАЛЬЧУК

ПЕЛАГЕЯ

Рассказ

— Палашка, дома ли ты? — войдя в сени избы Пелагеи Козловской, крикнула соседка Настасья.

Не дождавшись ответа, открыла дверь в просторную комнату, половину которой занимала натопленная с утра печь. Вдоль окон стояли длинная дубовая скамья и стол. Вкрадчиво, озираясь по сторонам, Настасья зашла за печь и протянула руку к плетеному коробу, стоявшему в темном углу. Приподняв крышку, извлекла красное знамя, лежавшее здесь еще с сорок первого года.

«Да, Пелагея, попалась ты на все сто процентов... Ишь, коммунистка. А еще спорила, что ничего общего не имеет с партизанами. Вот же умеет врать. Ну, ничего, теперь ты у меня запоешь. Все я тебе припомню, за все отомщу», — думала она.

Настасья вернула знамя на прежнее место и, тихо выскочив из дома, скрылась за плетнем.

Пелагея, неся вязанку хвороста, издалека заметила согнувшуюся спину соседки.

— Вот же проныра... И что она опять вынюхивает? Надо Коленьку предупредить, чтобы осторожнее был, — вслух произнесла она.

Бросив хворост возле порога, обошла вокруг дома, заглянула в сарай, где совсем недавно скрывала раненого красноармейца, и замерла от ужаса: из соломы виднелся окровавленный обрывок бинта.

— Господи, да как же я так? Совсем из ума выжила. А если бы немцы или эти прихвостни сюда заглянули? Подвела бы я тебя, сынок, — шептала Пелагея, заталкивая находку в карман. Проверив еще раз солому, заглянув в ясли для сена, закрыла ворота и быстрым шагом поспешила к дому.

Топором порубила хворост и, уложив его в печку, зажгла кусок бумаги и найденный бинт. И только когда пламя охватило дрова, с облегчением выдохнула.

— Вот и ладно. Теперь надо картошку сварить. Коля сегодня еще ничего не ел. И где он ходит?

За заботами и хлопотами Пелагея и не заметила, как на улице стемнело. Зимний день совсем короткий, тем более — январский. Уже давно и картошка сварилась, и чай из веточек смородины был готов, а сына все

не было. Раз за разом обеспокоенная мать выходила во двор и спешила к калитке, вглядываясь в даль. Сердце стучало все тревожнее и тревожнее. «Никак беда спешит в мой дом», — подумала она и поспешила отогнать от себя эту мысль. Но тревога не уходила.

Около полуночи в дом забежал запыхавшийся сын со словами:

— Мама, мы полицаев убили. Тех, которые людей жгли. Не могли мы больше смотреть на их зверства. Понимаете, мама.

— Я-то понимаю, сынок, да только не простят этого ни фашисты, ни полицаи. Уходить вам надо в лес немедленно. А ребята где? — высыпая картошку в платок, спросила Пелагея.

— За сараем. Ждут вашего решения.

— Вот, держи. Немного подкрепитесь позже. А сейчас бегите. Не зря сегодня Настасья крутилась возле нашего дома. Наверняка и в дом заходила. Как дойдете до партизан, передай командиру, что через три дня прибудет пополнение фашистам. Сама слышала от Мишки Кривого. И будьте осторожны, — обнимая сына, напутствовала Пелагея.

— А вы как, мама? Может, с нами пойдете? Ведь будут искать нас немцы и до вас доберутся, — обеспокоенно шептал Коля.

— Нет, сынок, не могу. Приказано быть здесь. А если что, постараюсь выкрутиться. Не волнуйся за меня. Иди же скорее, — попыталась улыбнуться женщина, выталкивая из сеней сына. И только когда его силуэт скрылся за калиткой, закрыла дверь на засов и, не раздеваясь, прилегла на кровать. Сон не шел. Перед глазами все время стоял сын, его добрые голубые глаза.

— Все же хорошего сына я вырастила, а значит, не зря жила. Утро вечера мудренее, — прошептала она, прижимая к животу подушку.

Еще не рассвело, а в дверь уже ломались, ругаясь нецензурной бранью, полицаи. Больше всех кричал Ермакович. Пелагея, взяв себя в руки, спокойно открыла дверь.

— Зачем же так стучать? Я не глухая. Что случилось, чтобы так рано по гостям ходить? — иронизировала женщина, понимая истинную причину визитеров.

Полицай, грубо оттолкнув Пелагею, зашел в дом, стреляя по стенам, печке, кровати.

— Где твой выродок? Куда спрятала? — кричал Ермакович.

— Да что случилось, Алесь? — как можно спокойнее спросила женщина.

Полицай от такой наглости побагровел. Правый угол верхней губы стал нервно дергаться. Его трясло, как в лихорадке. Подойдя вплотную к Пелагее, схватил ее за подбородок и хрипло прошипел:

— Я тебе не Алесь, тварь партизанская. Я для тебя пан полицейский. Поняла? И не смей сравнивать меня с собой, голь перекатная. Ты думаешь, что никто не знает о твоей связи с партизанами? Везде есть уши и глаза.

— Эти глаза и уши — Настасья? Так она и раньше была слепой и подлой, а теперь и удивляться нечему.

От удара прикладом по голове Пелагея упала. А полицай, не скрывая злобы и негодования, стал ногами избивать лежавшую на полу женщину. Кровь залила ей лицо. Насладившись своим зверством, Ермакович приказал двум полицаям, пришедшим с ним, обыскать дом. За несколько минут все было перевернуто вверх дном.

— Ничего нет, — подытожил результат поиска один из полицаев. Но Ермакович только усмехнулся.

Галина КОРЖЕНЕВСКАЯ

КЛЕТЧАТОЕ ПАЛЬТИШКО

Быль

Ближе к утру по лестнице загремели солдатские сапоги, посыльные поднимали офицеров по тревоге. Дошли и до их дверей. Нина проснулась первой. «Не пойду», — сонно отозвался муж, зарываясь в подушку. Через минуту он уже выпрыгнул из постели. Жена помогла Иосифу собраться и поднесла всегда готовый «тревожный чемоданчик».

С утра она надумала пойти на рынок, но у подъезда ДОСа стоял караульный и никого не выпускал. Сказал, чтобы все оставались дома, ожидается важное правительственное сообщение. Через час Нина выбралась-таки из дома и уже на улице из круглой тарелки громкоговорителя услышала обращение Молотова. Слышали его и другие жены военных. На всю жизнь врезался в память отчаянный жест украинки с черными, по пояс, волосами. Она двумя руками от висков подняла свою роскошную гриву, стиснула голову — и завывала. Так в летнюю часть под Новгородом пришла весть о нападении Германии.

В тот же день муж отправился с товарищами на аэродром. Был собран, торопливо прижал к груди и поцеловал. Экипаж не вернулся с первого же боевого вылета. Друг семьи успокаивал Нину: «Твой Иосиф классный парашютист. Даже если его сбили, он обязательно выпрыгнет. Жди». И она начала ждать. Испугалась, только когда позвали в штаб. Выдали под роспись деньги, ничего не объясняя, сказали: «За мужа». Дыхание перехватило, поднялась тошнота. Впрочем, такое случалось и раньше — она ожидала ребенка. К счастью, скоро выяснилось, что деньги выдали всем женам летчиков на эвакуацию.

Женщины также получили на руки предписание, чтобы им не чинили препятствий в дороге. С пересадками — с вокзала на вокзал, с поезда на поезд — добрались до Горького, где, как планировалось, их распределят по колхозам. Нина ехала, считай, с пустыми руками. Она же слышала, что война на месяц-другой, а там все по домам под гром победных салютов... Более предусмотрительные подружки тащили по два чемодана. Так что все равно тяжести поднимать пришлось — не свои, так чужие.

Состав до города не дошел (была опасность бомбежек). Женщин с детьми высадили из вагонов и построили. Поскольку под Горьким жила Нинина мать, то все мысли были о том, как туда попасть. (Бывают же

удачные совпадения!) При первой же возможности Нина отлучилась и просто сбежала. Нашлась и попутчица, которую тоже не радовала перспектива осесть в чужом колхозе. Они впоследствии разошлись по разным районам.

Так Нина попала в отчий дом, к матери. Мать, увидев дочку, испугалась, из рук выпала с грохотом миска. Забегала, засуетилась, разглядывала пополневшую талию. Уложила отдохнуть с дороги на высокие подушки из гусяного пуха, сама собрала на стол небогатую снедь.

Дома гулять не пришлось. Всю осень Нина на коленках копала картошку, переносила ее, поцепив кошелку на локоть, желобом опускала в погреб. Была она невысокой, тоненькой, у матери родилась предпоследней. Из деревни выбралась после седьмого класса, пошла на свой хлеб. Старшая сестра жила с семьей за километров двадцать. Младшего брата война накрыла на армейской службе. Одна из сестер умерла маленькой. Остальные кто где, страна большая. Отец умер пятью годами ранее, он был старше жены.

Война хоть и была далекой, но свои порядки установила. Жестче стало начальство — колхоз трудился на победу. Из мужчин остались председатель да учетчик, не считая старых и калек. Все тащили на себе бабы, а также дети. В тринадцать лет уже выходили в поле наравне со взрослыми. Пасли колхозных телят, мололи жерновами зерно, заготавливали сено.

Ввели продуктовые карточки, но скоро уменьшили норму выдачи. Хлеб, мясо и масло шли на нужды фронта и тыла. Селу оставалось перебиваться овсом вместо ржи, обратом и масленкой с молокозавода. Ели все, что можно жевать, в тесто добавляли толченый клевер. И лучше не с семенного участка, иначе ответишь, как за колоски.

Мать-активистка пошла на ответственный участок работы — телятник. Молодняк берегли пуще собственных детей. На телятнике всю зиму топили печь, грели чугуны воды. С дровами управлялся соседский подросток, не умевший заточить пилу. Нина матери подсобляла: убирала, разносила пойло. Так и жили.

Однажды утром, достав из печи чугуны, мать сказала: «Ты сегодня, дочка, рожать будешь. Собирайся в больницу». Признаков приближения родов никаких. Ребенок привычно толкается и, похоже, не торопится на белый свет. Но дочка послушалась. Матери виднее, та шесть раз ожидала этого события. Рожать значит рожать. Середина ноября, больница в трех километрах от их села. Оделась потеплее, платком покрылась и пошла по санной колее. И, представляете, на подходе начало сжимать живот! Сожмет — отпустит, сожмет — отпустит... Родовые схватки!

Родила девочку — ладненькую, чистую личиком, со взрослыми каким-то глазами. На Нинины «эвакуационные» купили козу, которая сильно их выручила молоком. Но голод подбирался не спросясь. Когда съели гусей, мать начала продавать, что имела: одежду (хорошо, что от мужа осталась), медные ложки, самовар, самотканые рушники и скатерки. Даже сундук сбыли, потому что в него не было чего класть.

Одну вещь Нина не дала продать — бабушкину швейную машинку. До замужества она успела подучиться на курсах швей и теперь могла кое-что перешить — и себе, и матери, и дочурке.

В вольную от забот минуту она доставала фотографии. Вот они с мужем на отдыхе, на Кавказе. Вот он на лыжах, картинно растирается снегом, ради куража. Вот их свадебный снимок, где они голова к голове,

но не улыбчивые, почти суровые. Сны приходили путанные, тревожные. Часто снился отец. К чему бы это?

На село пошли похоронки. Мать напугалась, увидев у калитки почтальона, но получила весточку от их защитника. Письмо она наизусть выучила и носила при себе. «Здравствуй, моя дорогая мама! С приветом, твой сын Федор. Мама, ничего, что у меня один глаз плохо видит, меня за мою смелость назначили танкистом. Я хорошо все сделал. Вчера ходили в бой. Я один вышел на два танка немецких и победил. Наверно, будет награда. Сегодня дали отдых. Победим немца, приду домой и заживем. Мама, береги свое здоровье. Твой сын».

У Нининой подружки Светы брат тоже воевал, но ни одного письма не дождался. Может, ранен, может, головушку сложил. Такой вариант, как плен, почему-то не рассматривался.

Сказать, что жили трудно, — ничего не сказать. Особенно страдали многодетные семьи. И холодно, и голодно, и в школу не в чем отпустить (обувь изнасилась). На другом конце деревни, как позже узнали, семья без хозяина вообще дошла до ручки. У них корову волки съели. Все лучшее оставляли младшей Люсеньке, но на вторую зиму она ослабла и угасла. Тогда у Надьки Капличихи в голове помутилось от горя. Сказала всем на печь забраться и не слезать. «Умирать будем».

Повезло, что соседи заметили: труба не дымит. Сами не пошли — послали за председателем. Тот проведаль, все понял и выделил мешок зерна. Заодно строго отчитал хозяйку — что она такое надумала. С того мешка они и выжили.

Людское горе стало привычным. Каждый справлялся как мог. В одночасье, после неприятности на работе, на Благовещение умерла мать. Соседи помогли похоронить. Теперь и у Нины опустели руки. Срочно начала списываться и связываться с сестрами.

С мужем они все-таки встретились. Лучше сказать — нашлись за полтысячи километров от той деревни. Случилось настоящее чудо. Таких чудес (их можно назвать бытовой мистикой) в войну хватало, тяжелый быт сближался с бытием, процветали гадалки, открылись церкви. Испытания очищают человеческую душу, как луковицу от шелухи, и она, душа, готова к удивительным событиям.

Как все это время выживал Иосиф, мы в деталях не знаем. Прошедшие военное пекло не любили распространяться о пережитом. Дочери больше знали о матери, Нине, вот почему наше повествование о ней полно фактов и подробностей.

Сбросив бомбы на колонны вражеских танков под Минском, экипаж вывел машину на обратный курс, и тут вдогонку самолет атаковали два «мессершмитта». Несколько атак, и Ил-4, оставляя дымный шлейф, начал падать. Первым в люк выскочил стрелок, следом — штурман Иосиф. Воздух свистел в ушах. Он видел, как от подбитого самолета отделилась еще одна человеческая фигура: командир покидал борт последним, словно капитан тонущего судна. И когда на куполе командирского парашюта заиграли огненные сполохи, штурман закричал и протянул к нему руки, как будто чем-то мог помочь.

Он не видел падения командира. Прямо на него из-под облаков несли вражеский истребитель. Летчик начал дергать парашютные стропы, то одну, то другую, чтобы быстрее приземлиться. До земли оставалось полсотни метров. Еще немного — и он выйдет из зоны обстрела...

Михаил КУЛЕШ
ЗАПРЕТНЫЙ
ПЛОД
Венок сонетов

1.

Зачем заманчив так запретный плод?
Мы знаем все, что со времен Адама
На этой почве разыгралась драма, —
С тех пор грешит и кается народ.

Плод, как мираж, сквозь сон к себе влечет,
И здесь всегда всему виною дама,
Решительна, капризна и упряма, —
Она причина всех мирских забот.

Твердит молва о том, что сладок он,
Причем волшебной силой наделен
И нашу жизнь приятно украшает.

Но у меня на это свой ответ,
Что от него на свете столько бед:
Во все века он души искушает.

2.

Во все века он души искушает.
С ним заодно коварный, хитрый змей,
Который знает, как сманить людей,
И испытаньям жестким подвергает.

Коварные приемы применяет
С жестокостью и хитростью своей.
Чтоб в сети заманить свои скорей,
Людей он изощренно искушает.

Он неспроста попробовать дает
И яд смертельный, и целебный мед,
Суть бытия познать им помогает.

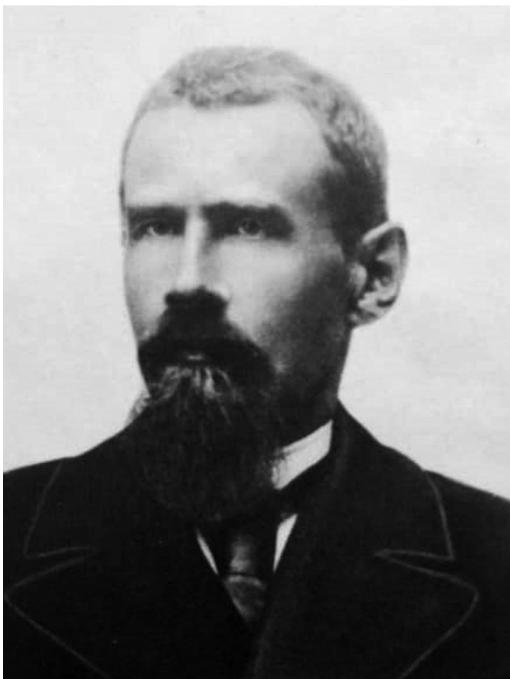
Татьяна ЩЕРБАКОВА

Академик родом из фольварка Петровичи

2 ноября 1881 г. в Якутск под конвоем привезли 23-летнего «государственного преступника» Эдуарда Пекарского. Местом приписки ему был назначен находящийся за рекой Леной захолустный 1-й Игидейский наслег Батурусского улуса, где он проживет 18 лет.

Через 50 лет, в 1931 г., Эдуарду Карловичу Пекарскому будет присвоено звание Почетного академика Академии наук СССР.

Как же получилось, что бывший студент Харьковского ветеринарного института оказался в якутской политической ссылке, а по прошествии полувека его труды по языку, фольклору, этнографии якутов стали известны всему научному миру и сам он приобрел авторитет выдающегося тюрколога?

Эдуард Пекарский в Петербурге.
Начало XX века

В судьбе Эдуарда Пекарского ничто не предвещало блестящей будущности. Он родился 13 (26) октября 1858 г. в фольварке Петровичи Игуменского уезда Минской губернии (сейчас — Червенский район Минской области) в семье обедневшего польского дворянина Карла Пекарского и его жены Терессы¹.

Детство Эдуарда, или как его звали на польский манер — Эдварда, не было беспечным и радостным. Он очень рано лишился матери; отец Карл Янович, служа управляющим и арендатором в имениях богатых владельцев, постоянно перемещался с одного места на другое, поэтому отдал сына на воспитание в крестьянскую семью, затем тетке мальчика².

Когда пришла пора поступать в Мозырскую мужскую гимназию, опеку над ним взял двоюродный дед Ромуальд Пекарский, который на первых

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 202. Оп. 1. Д. 114. Л. 86.

² Грыцкевіч В. П. Эдуард Пякарскі: Біяграфічны нарыс / В. П. Грыцкевіч. — Мінск : Палымя, 1989. — С. 6.

порах обеспечивал содержание Эдуарда и оплачивал обучение. К нему, в живописное местечко Барбаров Речицкого уезда, Пекарский-гимназист приезжал во время праздников и каникул. На всю жизнь юноша запомнил эти дни: встречи с друзьями, игры и походы на реку Припять.

Судя по письмам мальчика отцу, он рано познал жизненные трудности и лишения. Возможно, именно эти обстоятельства сформировали в нем самостоятельность и ответственность за учебу и свою жизнь. Эдуард Пекарский окончил шесть классов в Мозырской гимназии, затем, перебрасываемый разными обстоятельствами, учился в Минской, Таганрогской и Черниговской гимназиях. Стесненный материально, он рано начал подрабатывать репетиторством, занимаясь с младшими гимназистами. И, по словам друга его юности Франца Абрамова, впоследствии известного белорусского хирурга, эти его занятия были весьма успешными. Уже в неполные 15 лет в письме отцу подросток твердо определяет жизненную цель: «Моя цель — стать хорошим доктором и помогать бедным людям, таким же, как я, сиротам»¹.

В Таганрогской и Черниговской гимназиях Эдуард Пекарский становится участником нелегальных кружков, изучавших запрещенную

¹ СПбФ АРАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 113. Л. 8.

Татьяна Андреевна Щербакова (урожденная Кугаевская)

Родилась в 1947 г. в Якутске в семье учителей. Окончила филологический факультет Московского государственного педагогического института, очную аспирантуру НИИ национальных школ МП РСФСР, кандидат педагогических наук.

«В 2007 г. я начала исследовать свою родословную по линии отца. Эдуард Пекарский приходился зятем большой семье моего прадеда Андрея Андреевича Кугаевского, младшая дочь которого, Елена Андреевна, была супругой Эдуарда Карловича. Поэтому, ведя поиск, я обратилась в Санкт-Петербургский филиал архива РАН с вопросом, есть ли в этом архиве личный фонд академика Пекарского и можно ли мне получить к нему доступ. Ответ из архива был положительный, и летом 2008 г. я поехала с Санкт-Петербургу.

Архивные документы этого фонда очень помогли в восстановлении родовых корней. Благодаря тому, что стараниями Эдуарда Карловича и Елены Андреевны, наряду с научным архивом, сохранялись семейная переписка, личные документы, фотографии, мне удалось установить полный состав семьи прадеда и в 2010 г. выпустить книгу-родословную «Кугаевские».

Работая с документами фонда № 202 «Э. К. Пекарский» СПбФ АРАН, параллельно с поиском сведений о моих предках я невольно обращала внимание на документы, касающиеся непосредственно жизни самого Пекарского, и поняла, что многие важные моменты его биографии не отмечены исследователями, отдельные периоды его жизни вообще не разработаны и остаются «белыми пятнами». В публикациях, с которыми я к тому моменту была знакома, допущены множественные фактологические ошибки, вольные интерпретации некоторых фактов биографии Пекарского, а иногда — просто домыслы и фантазии.

Эти обстоятельства и побудили меня более глубоко и детально заняться исследованием жизни и деятельности Эдуарда Карловича Пекарского, побывать в разных архивах. Сейчас я работаю над расширенной биографией, которую хочу издать отдельной книгой».

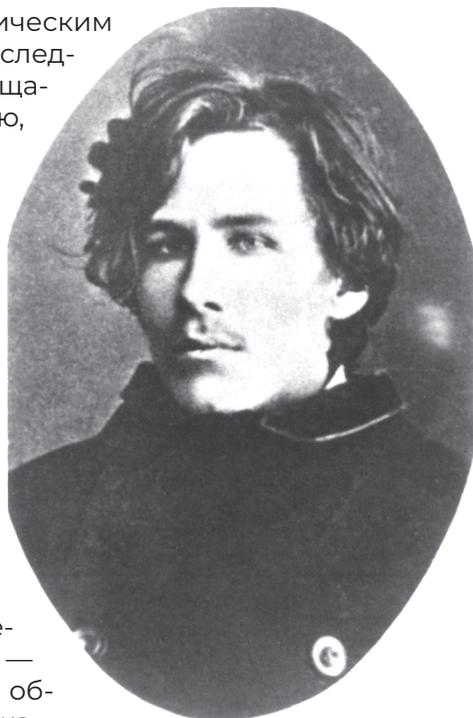
литературу, и приобщается к народническим идеям. Весной 1877 г., не окончив последнего класса, Эдуард вместе с товарищами покидает Черниговскую гимназию, чтобы «идти в народ».

Осенью того же года он поступает в Харьковский ветеринарный институт, где его привлекает не столько ветеринария, сколько свобода и возможность участия в общественно-политической жизни. Много лет спустя Эдуард Карлович напишет об этом периоде: «...я, с первого же момента вступления в учебное заведение, — одно из наиболее свободных и радикальных того времени, — завертелся в общих студенческих интересах, не лишенных значительного революционного оттенка. Большинство студентов было настроено прогрессивно, чтоб не сказать — революционно; таково было тогда общее настроение молодежи, — и мне легко было найти товарищей, сродных мне по духу, темпераменту и настроениям»².

За активное участие в студенческих волнениях 1878 г. Пекарский с несколькими товарищами был исключен из института без права поступления в высшие учебные заведения и по решению местных властей должен был отбыть административную ссылку в Архангельской губернии в течение пяти лет. Но он предпочел заблаговременно скрыться, и с этого началась его «скитальческая, нелегальная жизнь».

Несколько месяцев Эдуард Пекарский скрывался в Тамбовском уезде, работая писарем под чужим именем. Здесь же он стал членом общества «Земля и воля», примкнув к тамбовским пропагандистам-народникам. Когда ближе к осени 1879 г. над ним нависла угроза ареста, ему пришлось уехать в Москву. В руки жандармов он случайно попал 24 декабря 1879 г., когда находился у друзей-студентов Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, снимавших под жильем дачный домик на Петровских выселках. На требование жандармов показать паспорт он предъявил таковой на имя Николая Ивановича Полунина, но инспектор академии сказал, что такого студента у них нет³.

Следствие по делу Пекарского длилось почти год и осложнялось тем, что на многие вопросы следователя арестованный, опасаясь подвести своих товарищей, попросту не давал ответов. Все это время он в основном просидел в камере-одиночке. В январе 1881 г. Эдуард Пекарский был осужден Московским военно-окружным судом. В постановлении суда он признавался виновным: 1) в том, что принадлежал к тайному сообществу, имевшему целью ниспровергнуть путем насилия

Эдуард Пекарский
в юности

² Пекарский Э. К. Отрывки из воспоминаний / Эдуард Пекарский // Каторга и ссылка. — 1924. — № 4. — С. 79.

³ Там же. С. 89.

существующий государственный и общественный порядок; 2) в том, что, замешанный в студенческих беспорядках, он скрылся от полиции, избежав назначенной ему административной ссылки, и жил под подложными документами. По приговору суда юношу должны были отправить на каторжные работы в рудниках сроком на пятнадцать лет, однако с учетом смягчающих обстоятельств эта мера была заменена на бессрочную ссылку в отдаленнейшие места Восточной Сибири¹. Через месяц после вынесения приговора Эдуард Пекарский был переведен в Вышневолоцкую политическую тюрьму, откуда вместе с другими ссыльными 1 июня 1881 г. он начал свой путь в Сибирь.

Маршрут арестантов обычно пролегал через Москву, Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Тюмень до Томска. Они следовали по железной дороге, водным путем на баржах, на тройках лошадей в сопровождении вооруженного конвоя. От Томска начиналось движение пеше-этапным порядком до Иркутска². По дороге, уже находясь в Сибири, Пекарский заболел и отстал от своей партии. В Красноярске его присоединили к другой партии ссыльных, следовавшей тем же маршрутом, в составе которой было много участников известных судебных политических процессов: Ипполит Мышкин, Михаил Сажин (Арман Росс), Лев Дмоховский, Петр Алексеев, Порфирий Войнаральский и др. Общение с этими выдающимися людьми для молодого Пекарского не могло пройти даром.

27 сентября 1881 г., пройдя по Сибирскому тракту около двух тысяч верст в течение почти четырех месяцев, партия прибыла в Иркутск, где была размещена в тюремном замке. Только теперь Эдуард Пекарский узнал, что жить на поселении ему предстоит в Якутской области. В начале ноября он был доставлен в Якутск, где губернатор Черняев назначил ему местом приписки 1-й Игидейский наслег Батурусского улуса, находящийся более чем в 200 верстах от Якутска, за рекой Леной.

Условия, в которые попадали ссыльные в Якутской области, были крайне трудны. Незнание местного языка, жесткий климат, когда зимой морозы доходили до минус 45—50 градусов, скудное питание, мизерное денежное пособие, обреченность на бездеятельность — все это не оставляло никаких перспектив для дальнейшей жизни. Не все выдерживали такие испытания: встречались случаи самоубийства, тяжелых психических расстройств; некоторые ссыльные предпочли бы жизнь в тюрьме, где была какая-никакая еда, о чем они писали в своих заявлениях губернатору.

Очень трудно было поначалу и Пекарскому. «Если бы не якуты, — напишет он позже отцу, — я должен был бы пропасть с голоду»³. В качестве жилья ему предоставили «сибирку» — небольшое помещение, предназначенное для содержания бродяжнических элементов из числа уголовных ссыльных. «Сибирка» примыкала к юрте наследного (родового) управления; позже Пекарский занял эту юрту, а через несколько лет с помощью соседей-якутов выстроил свою.

¹ Государственное казенное учреждение «Национальный архив Республики Саха (Якутия)» (ГУ НА РС (Я)). Ф. 12 и. Оп. 15. Д. 62. Л. 7 об.— 8.

² Виташевский, Н. По Владимирке. / Н. Виташевский // Исторический сборник «Наша страна» — СПб : Типолитография «Энергия», 1907. Вып. 1. — С. 377—398.

³ СПбФ АРАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 113. Л. 22 об.

Лиана АНЦУХ

Успеть сказать...

9 мая в Беларуси торжественно отметили главное событие 2025 года — 80-летие Великой Победы в Великой Отечественной войне. Именно в этот день в 1945 году произошел решающий поворот в истории страны — пришла Победа, а с ней и мирная жизнь.

За годы войны Беларусь стала одной из самых пострадавших республик Советского Союза. Более трех лет наш народ боролся с ненавистными захватчиками. Ожесточенные бои, оккупация нацистскими войсками принесли неисчислимые страдания мирному населению. Многие ушли на фронт, другие — в партизанские отряды, около 800 тысяч человек стали жертвами Холокоста. Невосполнимые потери — погиб каждый третий житель страны. Потому братские могилы и мемориалы для каждого из нас не чужие, они — места нашей силы. Мы несем к ним цветы, склоняем головы в память обо всех ушедших, но размышляем о судьбах конкретных людей, вспоминаем родных, ведь в каждой семье война оставила неизгладимый след. В наши дни, хотя минуло уже 80 лет, не заживают раны в сердцах людей. Через генетическую память передаются молодому поколению и ненависть к врагу, и безграничное стремление к миру.

Казалось бы, нам уже все известно о той страшной войне, но вдруг опять настагает чей-то исповедальный рассказ, ранит в сердце, и ты понимаешь, что не будет поставлена точка в истории, пока мы живы и Земля многострадальная помнит. Это — не просто дань памяти героическому прошлому, но и взгляд в будущее!

Мою историю можно было бы отнести к числу самых типичных для людей послевоенного поколения. Малашенков Федор Панфилович — мой отец — ушел в мир иной в ночь с 8 на 9 мая 1999 года в возрасте 82 лет. Он достойно прожил жизнь по классическому сценарию: построил дом, посадил дерево, и не одно, вырастил сына — будущего офицера Советской армии. Дети и внуки всегда будут гордиться им.

В городском поселке Жодино (теперь — город), где он жил, трудился, его знали и уважали. Как ветерана Великой Отечественной войны приглашали на встречи, на парады в дни праздников, в юбилей Победы награждали памятными медалями, поздравляли. Когда сил стало меньше, а в домах появились телевизоры, отец никогда не пропускал репортажи с торжественных парадов. Всегда с большим волнением ждал День Победы. Видимо, это и сказалось в ту последнюю ночь его земной жизни.

Когда отца уже не было с нами, в память о таких, как он, участниках войны зародилось народное движение, в котором участвовали миллионы людей, — акция «Бессмертный полк». Участники шествия несли фотографии своих родных, земляков — воинов, партизан, тружеников

Федор Малашенков. 1942 г.

Федор Малашенков. 1970-е гг.

тыла. Эта замечательная традиция жива и сейчас, она укрепляет чувство солидарности, связь между поколениями. Молодые люди узнают больше о своих предках, их подвигах, осознают, что мы — народ со своей историей. Я смотрю на них и вижу сквозь слезы, как оставшийся навечно молодым мой отец вместе со всеми — по-прежнему в строю...

Только сейчас — с высоты прожитых лет — я начинаю понимать, как много в его памяти было того, что тревожило сердце и мешало спать по ночам. Это — тяжкий груз, и надо бы ему тогда делиться с кем-то, но мы, кто был рядом, постоянно занимались своими делами, их у каждого хватало. А он-то, конечно, заслуживал от нас большего внимания. К сожалению, я тоже не расспросила отца, как складывалась его судьба в годы военного лихолетья, мало знает об этом и мой младший брат, все только в общих чертах. Из скупых рассказов отца мы знаем, что он — уроженец Смоленской области, воевал на фронте, потом служил в партизанском отряде. В начале войны был командиром танка, а когда танк подбили фашисты, раненым попал в плен. Однако ему и еще нескольким солдатам удалось бежать. Они долго блуждали по лесам и болотам. К своим вышли в районе Борисова, добрались до партизан.

Иногда в памяти у меня всплывают картинки из детства, среди них и такая: когда наша семья собиралась за праздничным столом, после фронтовых ста граммов отец запевал свою любимую песню «Три танкиста» про «экипаж машины боевой», а мы, взрослые и дети, хором подпевали ему.

Мой отец прошел через ад плена и, оставшись в живых, продолжил борьбу партизаном. Он,

как и тысячи других белорусов, не сломился и верил в победу, несмотря на все ужасы войны.

Из тех документов, что сохранились в семье, известны лишь немногие факты. К примеру, удостоверение, выданное штабом бригады им. П. К. Пономаренко 8 июля 1944 года. Оно свидетельствует о том, что отец бежал из плена и участвовал в Великой Отечественной войне в качестве партизана отряда им. К. Е. Ворошилова этой бригады с 10 июля 1943 года по июль 1944 года. Замечу, к слову, что тут они встретились с моей мамой, которая вместе с другими жителями окрестных деревень помогала тем, кто находился в лесу. Это была судьбоносная встреча — в 1946 году они поженились. В их союзе я и родилась в тяжелые послевоенные годы.

Партизанские отряды, такие как тот, в котором служил мой отец, стали настоящей грозой для оккупантов. Они устраивали диверсии, взрывали мосты, уничтожали вражеские эшелоны, вели разведку. Как рассказывали родители, партизаны не только сражались с врагом, но и помогали местному населению, защищая деревни от карателей. В лесах в партизанских отрядах скрывалось много людей, которые не могли смириться с оккупацией. В 1941 году доходили до них, поднимая дух и вдохновляя на борьбу с ненавистным врагом, пламенные строки великого белорусского поэта Янки Купалы: *«Партызаны, партызаны, / Беларускія сыны! / За няволью, за кайданы / Рэжце гітлераў паганых, / Каб не ўскрэслі век яны»*.

О событиях тех лет уже многое известно современным молодым людям. Историки, краеведы, очевидцы стремятся донести до них истинную правду. Сквозь годы не давали и мне покоя мысли, что я обязана исполнить свой дочерний долг — рассказать об отце и таких, как он, рядовых Великой Победы. Но каким образом? Когда моя любовь к Книге ожидаемо трансформировалась в профессию — издательское дело, вызрела идея, как это можно сделать. Родилась серия книг с философским названием «Дети войны». Первые книги серии увидели свет в 2010 году в издательстве «Четыре четверти», которое я возглавляю. Это был год, когда страна готовилась встретить 65-летие Победы. С тех пор уже на протяжении пятнадцати лет мы публикуем произведения наших современников на тему войны: и писателей, и тех, кто никогда не занимался литературным трудом профессионально. Большинство из них не принимали участия в военных действиях, но их детские переживания выливались в воспоминания, где отразились и правда о войне, и пережитый бесценный опыт, и размышления. Это очень важно, ведь мы все понимаем, что для сохранения исторической правды надо знать не только о подвигах героев, но и о самых, казалось бы, малозначительных событиях того трагического времени. Сегодня его свидетелей практически не осталось, поэтому для летописи войны эти воспоминания остаются бессмертными, если, конечно, мы успеем записать.

Ставшая сейчас очень популярной серия «Дети войны» непрестанно наполняется новыми историями. Вышло уже более 40 книг известных современных белорусских писателей: Алесь Савицкого, Казимира Камейши, Миколы Маляво, Миколы Чернявского, Михася Позднякова, Изяслава Котлярова и других. Среди авторов уже не только дети участников и свидетелей войны, но и их внуки. Без сомнения, наши потомки будут благодарны тем, кто поделился своими семейными историями.

Людмила ВОРОБЬЕВА

Храните музыку, храните...

Рецензия на книгу Михаила Позднякова «Полонез»

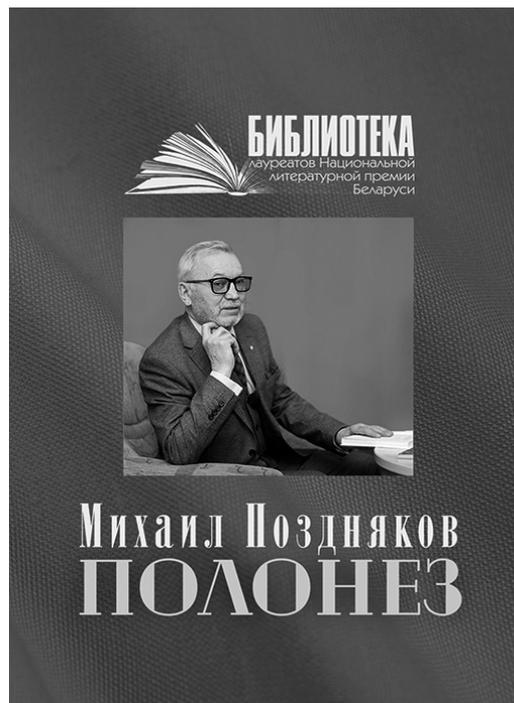
Примечательно то, что новый поэтический сборник известного писателя, переводчика, лингвиста, публициста, автора более ста книг — Михаила Позднякова — вышел в серии «Библиотека лауреатов Национальной литературной премии Беларуси». Стоит отметить главную особенность: сборник являет собой творческий союз двух успешных литераторов и самобытных художников слова. В совершенстве владея мастерством перевода, Анатолий Аврутин представил в книге Михаила Позднякова «Полонез» переводы с белорусского языка.

Анатолий Аврутин постоянно подчеркивает взаимосвязи русско-белорусского и белорусско-русского, употребляя прочно вошедшие в русский язык белорусизмы: «крыніца» — родник, «Радзіма» — Родина, «каханне» — любовь, «мова» — язык, «жыта» — рожь, «хата» — дом, «вёска» — деревня. Всего не счесть. Важно, что и в судьбе Михаила Позднякова две Родины — «Две сестры — Беларусь и Россия». Не случайно популярные композиторы создают песни на его лирические стихи.

Эта книга и для сердца, и для ума. Невероятно притягателен ее музыкально-поэтический и живописный язык. Михаил Поздняков музыкой слов воссоздает свою жизнь. В этом ему помогает не только искусство слова, но и искусство музыки, живописи. Тут немало стихов, впитавших целую полифонию, яркие звуки великих произведений, стихов, созданных под влиянием творчества выдающихся композиторов и музыкантов. Поэзия для него раскрывается в трепетном звучании внутреннего голоса, настроенного на музыку слова, какую нужно уметь слышать.

Высокие чувства вызывает стихотворение «Полонез Огинского»:

На узкой улочке Варшавы,
Видавшей множество чудес,
Средь древних памятников славы
Вдруг заиграли полонез.

РУБЛЕВСКАЯ Людмила Ивановна. Родилась в 1965 году в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич. Родился в 1948 году в Минске. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Автор свыше 30 книг поэзии, прозы и переводов. Обладатель «Золотого Витязя — 2022» в жанре поэзии, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, международной премии им. Марины Цветаевой, годовых премий журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «День литературы» и др. Награжден орденом Франциска Скорины и одноименной медалью. Живет в Минске.

ЗЕЗЮЛИН Владимир Александрович. Родился в 1958 году в поселке Левада Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил Гомельский дорожно-строительный техникум. Автор сборников стихов «Дайте имя цветку», «Когда судьбу венчает осень» и др. Живет в Гомеле.

КАЛУЖЕНИНА Лариса Анатольевна. Родилась в 1953 году в городе Тбилиси (Грузия). Окончила Минский государственный лингвистический университет. Прозаик. Автор книги «Приключения кота Зелёнкина, попугая Мартинеса и всей честной компании: народный лубок для взрослых». Живет в Минске.

ГОРЕГЛЯД Нина Васильевна. Родилась в 1952 году на хуторе Павлиново Пинского района Брестской области. Окончила филологический факультет Брестского педагогического института имени А. С. Пушкина. Поэт, прозаик, публицист. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в городе Каменец Брестской области.

ИВАНОВ Максим Сергеевич. Родился в 1976 году в Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Прозаик. Печатался в белорусских и российских периодических изданиях. Автор книги «Концерт по заявке неизвестного». Живет в Минске.

КОВАЛЬЧУК Тамара Васильевна. Родилась в 1963 году в деревне Конотоп Наровлянского района Гомельской области. Окончила Республиканский институт профессионального образования по специальности «мастер производственного обучения». Автор 20 книг поэзии и прозы для взрослых и детей. Лауреат республиканских и международных литературных конкурсов и премий. Живет в городе Осиповичи Могилевской области.

КОРЖЕНЕВСКАЯ Галина Анатольевна. Родилась в 1950 году в деревне Лесище Слуцкого района Минской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, драматург, публицист. Автор книг для детей и взрослых. Живет в Минске.

КУЛЕШ Михаил Иванович. Родился в 1956 году в деревне Полкатичи Ивановского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Бресте.

